

Содержание:

Введение

Современное государство находится в постоянном развитии, особенно активно оно в таких сферах как правовая, экономическая, социальная, поэтому оно нуждается в создании эффективно действующей системы законности и правопорядка.

Государственная и общественная жизнь должна быть организована так, чтобы соблюдение закона было обязательным и необходимым требованием для гражданина, должностного лица, государственного органа или общественного объединения. Юридическая ответственность неразрывно связана с государством, нормами права, обязанностью и противоправным поведением граждан и их объединений. Она имеет государственно-принудительный характер. Юридическая ответственность всегда связана с определенными лишениями, т. е. сопровождается причинением виновному отрицательных последствий, ущемлением или ограничением его личных, имущественных и других интересов.

Деятельность государства в сфере принуждения строго регламентирована законом. Субъектами этой деятельности выступают суд, прокуратура, полиция, администрация различных государственных учреждений, которые специально занимаются рассмотрением дел о правонарушениях.

Для возложения ответственности необходимо наличие ряда условий: вина правонарушителя, противоправность его поведения, причиненный вред, причинная связь между его поведением и наступившим противоправным результатом.

Юридическая ответственность характеризуется тем, что она:

- опирается на государственное принуждение (это конкретная форма реализации санкций правовых норм);

- наступает за совершение правонарушения и связана с общественным осуждением;

- выражается в определенных отрицательных последствиях для правонарушителя, являющихся для него новой юридической обязанностью, которой не существовало до совершения противоправного деяния. и представляющих собой лишения

личного, организационного либо имущественного характера;

- воплощается в процессуальной форме.

Общая цель юридической ответственности – защитить права и свободы человека, обеспечить общественный порядок. Общая правовая цель юридической ответственности — восстановление нарушенного правопорядка путем реализации защитных средств права, предусмотренных санкцией нарушенной нормы.

Целью данной работы является раскрытие сущности юридической ответственности, соотношение юридической ответственности и ответственности отраслевых юридических наук.

Задачи данной работы:

1. Рассмотреть содержание понятия «юридическая ответственность», его исторический аспект.
2. Рассмотреть принципы, цели, задачи юридической ответственности.
3. Провести сравнительный анализ юридической ответственности в целом с ее видами.

Правовой базой исследования послужили: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ.

Теоретической базой исследования послужили труды юристов: А. В. Мелехина, П.В. Крашенинникова, В. Б. Исакова, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, В.М. Корельского и других. Также в работе были использованы статьи из юридических периодических изданий.

Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников.

Глава I. Характеристика юридической ответственности

1.1 Понятие и содержание юридической ответственности

Каждое отступление людей от норм, принятых в обществе, встречает явное или скрытое осуждение. Человек, совершивший аморальный поступок, осуждается людьми. Любое правонарушение предусматривает определенные меры юридической ответственности.

В теории права юридической ответственностью называется применение мер государственного принуждения к правонарушителям для восстановления нарушенного правопорядка и (или) наказания лица, совершившего правонарушение.

Юридическая ответственность за правонарушения одна из самых острых тем правовой науки. Без налаженной системы юридической ответственности право становится бессильным и ненадежным, не оправдывающим возлагаемых на него социальных ожиданий. Правовые нормы, а равно проистекающие из них права и обязанности членов общества превращаются в благие пожелания, если власть не способна организовать восстановление нарушенных прав, принуждение к исполнению обязанностей, наказание нарушителей правовых запретов. С другой стороны, государственное принуждение, с помощью которого охраняются право и правопорядок, более всего затрагивает личность, ее интересы, права и свободы. Если оно применяется для защиты несправедливого права, вне права или вопреки праву, проблема социального взаимодействия права и государственного принуждения становится особенно острой.

Обостренное восприятие обществом, его моральным и правовым сознанием проблем связи права и государственного принуждения обусловлено и тем, что на протяжении многих веков человеческой истории принуждение нередко применялось произвольно, по усмотрению власть имущих, а сами меры государственного принуждения часто были несоразмерно правонарушению предельно жестоки. Произвол, жестокость или слабость власти всегда были наиболее заметны в той сфере общественных отношений, где применяются меры наказания за совершение преступлений. Именно поэтому при массовых опросах населения об основных действующих кодексах и законах чаще других называется уголовный кодекс, хотя жизнь подавляющего большинства опрошенных граждан никак не связана ни с преступлениями, ни с наказаниями.

«Из всех видов права, – писал Пашуканис, – именно уголовное право обладает способностью самым непосредственным и грубым образом задевать отдельную личность. Поэтому оно всегда вызывало к себе наиболее жгучий, и притом практический, интерес. Закон и кара за его нарушение вообще тесно ассоциируются друг с другом, и, таким образом, уголовное право как бы берет на себя роль представителя права вообще, является частью, заменяющей целое»[\[13, стр.587\]](#).

Совокупность норм и общественных отношений, образующих содержание, сферу юридической ответственности, сложился исторически. Современные принципы ответственности стали возникать в сознании общества и в действующем праве в период низвержения феодального строя (XVII–XVIII вв.). В процессе становления гражданского общества и борьбы с феодальным режимом утверждались основные положения современной теории права и практики законодательства относительно принципов применения мер принуждения за совершение правонарушений. В поле зрения передовых мыслителей были прежде всего уголовное право и процесс, определяющие наиболее строгие меры принуждения и порядок их применения.

Основным и главным принципиальным положением, сложившимся в борьбе против феодального произвола и инквизиционного процесса, является то, что принуждение как способ, средство охраны права не должно нарушать само право, а может осуществляться только на основе и в пределах права. Одним из воплощений этого принципиального положения стала известная формула без закона нет ни преступления, ни наказания. Это означает, что правонарушением признается только и исключительно деяние, которое до его совершения было запрещено законом, вступившим в силу и доведенным до всеобщего сведения. Одновременно (в том же или ином законе) должно быть совершенно точно определен предел наказания, применяемого за это (этот вид) правонарушение.

Признание этого принципа с необходимостью возвело в ранг закона так называемую догму права при осуществлении ответственности. При любом понимании права – нормативном, социологическом, естественно-правовом, психологическом – норма права, как она выражена в тексте закона, является альфой и омегой ответственности за правонарушение. Ни признаки правонарушения, как они описаны в законе, ни санкции, определяющие меры принуждения за него, не подлежат расширительному или распространительному толкованию либо (тем более) применению по аналогии. Кроме того, закону, определяющему санкции за какое-либо деяние либо отягчающему ответственность за него, не должна придаваться обратная сила, ибо член гражданского общества,

наказываемый за поступок, который в момент совершения не был запрещен либо наказывался менее строго, с полным основанием заявляет: «Знал бы, что запрещено или что карается столь строго, – поступил бы иначе».

Другим достижением политико-правовой теории и законодательства об ответственности стало стремление урегулировать правом деятельность государственных органов, применяющих принуждение, подчинить эту деятельность специальному контролю и проверке.

Во-первых, законодательство об ответственности имеет общественное значение лишь в той мере, в какой оно реализуется. Если правоохранительные органы проявляют бессилие в борьбе с правонарушениями либо попустительствуют правонарушителям, в обществе складывается безотрадное впечатление, что многие запреты можно безнаказанно нарушать, а для защиты своих прав целесообразнее прибегать к самообороне, самосуду и к самоуправству, чем обращаться в официально существующие правоохранительные органы.

Во-вторых, давно замечено, что в сфере, где применяется государственное принуждение, общество и личность нередко сталкиваются с рядом тревожных явлений. Государственные органы и должностные лица, расследующие дела о правонарушениях, уполномоченные привлекать к ответственности и решать дела о применении и реализации санкций, наделены властными полномочиями, необоснованное и незаконное использование которых может причинить существенный урон правам и свободам личности. Специфика деятельности правоохранительных органов, обязанных пресекать правонарушения, порой придает расследованию уголовных и иных дел обвинительный уклон. Стремясь показать свое рвение, недобросовестные работники правоохранительных органов способны искусственно создавать доказательства, вплоть до понуждения подозреваемого признать себя виновным в правонарушении, которого тот, возможно, не совершал. Необходимая для борьбы с правонарушениями тайна дознания и следствия может обернуться отсутствием гласности, попустительством произволу в добывании доказательств и запугиванием лиц, вовлеченных в процесс расследования. Стремление возможно быстрее обосновать обвинение и закончить дело в срок порой ведет к осуждению невиновных. Немалый вред законному и обоснованному осуществлению юридической ответственности может причинить давление дезориентированного общественного мнения, административная ретивость высокопоставленных должностных лиц, а то и просто коррумпированных работников правоохранительных органов.

Ни общество, ни личность не могут обойтись без защиты от правонарушителей, а тем самым без деятельности специального аппарата, охраняющего право от нарушений. Но при осуществлении юридической ответственности сталкиваются две неравносильные стороны: лицо, обвиняемое (подозреваемое) в совершении правонарушения, и организация должностных лиц, облеченных властью и полномочиями применять принуждение от имени государства. По указанным причинам это принуждение может быть применено произвольно, в противоречии с действительными обстоятельствами дела, с нарушением закона. Для предупреждения и пресечения необоснованных и незаконных актов и решений об ответственности практика, законодательство и теория эпохи становления гражданского общества определили два средства.

Во-первых, лицо, обвиняемое (подозреваемое, упрекаемое) в правонарушении, по закону наделяется комплексом прав, дающих ему возможность участвовать в исследовании обстоятельств 'дела, оспаривать квалификацию правонарушения, сам факт его совершения, представлять доказательства, пользоваться услугами адвоката, добиваться с помощью юридических средств освобождения от ответственности либо ее смягчения. Комплекс этих прав называется «право на защиту». Это право призвано в какой-то мере уравновесить фактически неравное положение сторон в отношениях ответственности (с одной стороны – лицо, обвиняемое в совершении правонарушения, с другой – облеченные властными полномочиями сотрудники правоохранительных органов, наделенные правом применять принуждение). В отношениях штрафной, карательной ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной) использование права на защиту дает возможность предупредить, пресечь или хотя бы как-то парализовать обвинительный и обличительный уклон, часто присущий должностным лицам и государственным органам, расследующим и (или) решающим дела о соответствующих правонарушениях. В отношениях правовосстановительной (гражданско-правовой и др.) ответственности право на защиту в равной мере принадлежит сторонам гражданского процесса и состоит в равной возможности сторон доказывать или опровергать факт причинения вреда или нарушения договора, обосновывать и оспаривать размер спорного возмещения и т.п. Реализация права на защиту придает юридической ответственности (особенно на стадии подготовки решения по делу о правонарушении) состязательный характер. Первостепенная задача состязательности – не только особенная защита прав лица, оказавшегося во власти правоохранительных органов, но и достижение истины по делу о правонарушении. Еще русский юрист XVIII в., профессор Московского университета С.Е. Десницкий справедливо замечал: «Во многих государствах

опытом дознано, что без споров в суде справедливости доходить иного средства другого никакого нет»[\[6, стр. 98. \]](#). Состязательность процесса исследования и решения дела о правонарушении – не идеальная, но пока единственная предпосылка обоснованности решения дела, учитывающего все наличные доказательства и обстоятельства совершенного правонарушения.

Вторым средством обеспечения законности и обоснованности юридической ответственности является совершенствование процедуры ее осуществления. При наличном уровне развития науки существующие способы установления истины по делу о правонарушении не вполне совершенны. Официальным признанием неизбежности ошибок при решении таких дел является законодательное определение права и порядка обжалования решений о юридической ответственности, а также актов правоохранительных органов, принимаемых в процессе ее осуществления. Необходимой предпосылкой и способом предупреждения и исправления этих ошибок является формализация процесса осуществления ответственности, разделение его на этапы, завершающиеся документально оформленными актами, доступными последующей проверке и оценке[\[21, стр. 7\]](#). Этот процессуальный порядок дает возможность выявить слабые звенья в системе государственных органов, осуществляющих ответственность, укрепить кадровый состав этих звеньев, освободить их от недостаточно компетентных или недобросовестных работников. Процессуальная регламентация юридической ответственности – необходимая предпосылка последующего контроля и объективной проверки возбуждения, рассмотрения и решения дел о правонарушениях; при обнаружении ошибок, допущенных на том или ином этапе ответственности, существует возможность вернуть дело на этот этап, рассмотреть его заново либо вообще прекратить. Не менее важны процессуальные гарантии прав личности, привлеченной к ответственности. Состязательность и право на защиту воплощены именно в процессуальных нормах, через которые реализуются нормы материального права, определяющие составы правонарушений и санкции за их совершение.

1.2 Принципы и функции юридической ответственности

Многие принципы юридической ответственности закреплены в современных конституциях, в законодательстве, в международных пактах о правах.

В современном государстве бытие юридической ответственности возможно лишь в рамках законов, определяющих составы правонарушений и санкции за их совершение, а также порядок (процедуру) исследования обстоятельств правонарушения, принятие обоснованного решения о правонарушении и (если оно действительно было) применении санкции, порядок исполнения принятого решения.

Основная и главная проблема ответственности – обеспечение законности, предупреждение и пресечение правонарушений, максимально возможное устранение ущерба, причиняемого ими обществу и правопорядку. В этой теме концентрируются две крайне важные социальные задачи: во-первых, общество и каждый гражданин должны быть уверены, что правонарушения пресекаются с помощью соразмерных им мер государственного принуждения, что права и охраняемые законом интересы защищены от противоправных посягательств; во-вторых, что борьба с правонарушениями ведется строго на основе закона, обеспечивающего неприкосновенность, права и свободы гражданина, не совершившего ничего противоправного.

Изучение проблем юридической ответственности должно вестись строго на основе изучения норм и принципов права, за пределами которого нет, ни правонарушений, ни санкций, а потому не должно быть ни ответственности, ни принуждения. Поэтому при теоретическом исследовании проблем ответственности попытки выйти за пределы права, а то и вообще уйти от права как предмета исследования, подменить ту часть права, которая определяет основания и порядок осуществления ответственности, чем-то другим, посторонним праву, не могут дать положительного результата.

К сожалению, при исследовании проблем ответственности выявился тупиковый путь семантических изысканий, основанных не на изучении права, его общих принципов, практики применения, а на чтении толковых словарей и на размышлениях о разных значениях слова «ответственность». Одним из проявлений примитивного мышления в период застоя явилось определение: «Ответственность – это обязанность отвечать» [\[7, стр 64\]](#). Дальнейшие попытки умозрительно вывести содержание понятия ответственности из ее терминологического обозначения породили определения: «Отвечать – значит дать отчет, отчитаться в содеянном».

«Общее понятие юридической ответственности может быть дано как регулируемой правом обязанности дать отчет в своих действиях, – рассуждали некоторые авторы. – Все становится на свое место, если понимать ответственность как

обязанность дать отчет в своих действиях»[\[9, стр.188\]](#). Неоднократно указывалось, что такие рассуждения логически упречны (определение дается через определяемое), теоретически несостоятельны и практически бесплодны. Применительно к гражданско-правовой ответственности предполагаемая «обязанность дать отчет» выглядит нелепо, поскольку нарушитель договорных обязательств или причинитель имущественного вреда юридически обязан возместить вред или ущерб, уплатить неустойку (штраф, пеню), а не отчитываться в содеянном перед потерпевшим. В самом деле, неужели же нормальна ситуация, если в ответ на обоснованную претензию нарушитель договора или причинитель вреда посылает потерпевшему отчет о своей деятельности, достижениях, трудностях, недостатках, об обстоятельствах допущенного нарушения и т.д., а потерпевший ограничивается изучением этого отчета, вместо того, чтобы обратиться в суд или арбитраж для взыскания убытков или неустоек?

Особенно тревожно, что аналогичное определение ответственности применялось (и применяется) к штрафной, в том числе к уголовной, ответственности. Утверждалось, например, что «в конкретных отношениях ответственности государственные органы и некоторые должностные лица имеют право применять принуждение, а именно принудительно требовать отчета в совершенном правонарушении». Между тем именно это (выделенное курсивом) современным законодательством и международными пактами о правах специально и категорически запрещено[\[15, стр.233\]](#). Тем не менее, некоторые философы-социологи даже предлагали изменить действующее законодательство нашей страны в духе инквизиционного процесса средних веков, обязав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе под страхом принуждения давать правдивые показания. «Какое право обвиняемого было бы тем самым нарушено? Никакого, кроме «права» искать всевозможные лазейки для уклонения от ответственности. В целом обязанность отчитаться в содеянном перед государством можно считать компонентом ответственности...»[\[12, стр. 168\]](#).

К сожалению, такие рассуждения не относятся к пройденным этапам отечественной науки. В юридической литературе, особенно в учебной, еще не изжито пренебрежение правом на защиту лица, привлеченного к ответственности. «Юридическая ответственность, – пишет С.Н. Кожевников, – это обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение»[\[17, стр.87\]](#). Несовместимость такого понятия ответственности с действующим процессуальным правом доходит до того, что содержание ответственности раскрывается через средневековые правовые

институты, возлагавшие на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность, отчитываться в содеянном. «Возложение юридической ответственности, – подчеркивает С.Н. Кожевников, – предполагает отчет за свои действия виновного субъекта (объяснение причин, мотивов совершения действия, влекущего ответственность)».

Распространенность «семантических» определений ответственности не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд. Жизненность и обоснованность любой теоретической модели проверяется практикой. Для правопведения существенно важны такие критерии истинности теоретического построения, как, во-первых, возможность воплотить его в законодательстве, во-вторых, влияние на практику применения закона. Выше процитировано суждение, содержащее порицание права на защиту и предложение заменить его «обязанностью отвечать»; к сожалению, с поддержкой предложения изменить наше законодательство в духе инквизиционного процесса выступают даже некоторые юристы. Такие предложения радикально противоречат не только принципам отечественного законодательства, выраженным в Конституции Российской Федерации (ст. 49, 51 и др.), но и общепризнанным нормам международного права (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и др.).

Если лицо, совершившее преступление, обязано отвечать и отчитаться в содеянном, но на вопросы следователя не отвечает или меняет показания, отрицает вину, оспаривает обвинение, заявляет ходатайства, то почему бы на одном лишь этом основании не изменить ему меру пресечения на более строгую? К сожалению, такой и другие способы подкрепления незаконной санкцией несуществующей обязанности отвечать на практике имеют место (например, допрос виновного как свидетеля, т.е. под угрозой уголовной ответственности за дачу ложных показаний). С этими нарушениями законности ведется борьба, но их трудно искоренить, если приписывать правонарушителю обязанности, не предусмотренные законом.

Аналогичные ошибки существуют и в судебной практике. Верховный Суд не раз отмечал недопустимость расширительного толкования судами обстоятельств, отягчающих ответственность, в частности ссылок отдельных судов при избрании более строгой меры наказания на отрицание подсудимым своей вины или на попытку скрыться с места совершения преступления. С другой стороны, порой допускается ограничительное толкование обстоятельств, смягчающих ответственность. Верховный Суд неоднократно отменял или изменял приговоры

нижестоящих судов по той причине, что при определении наказания они не учли явку с повинной. Но не коренится ли причина всех этих ошибок в том, что некоторые судьи психологически воспринимают явку преступника с повинной лишь как выполнение им элементарной, во многих учебниках названной обязанности отвечать, дать отчет в содеянном, что не должно влечь никаких льгот и послаблений, а отрицание вины или попытку скрыться с места преступления, наоборот, как нарушение этой обязанности, отягчающее ответственность?

Наконец, произвольно выведенное из термина «семантическое» определение ответственности продолжает негативно влиять на развитие науки и подготовку научных кадров. Например, в автореферате одной из недавно защищенных кандидатских диссертаций административная ответственность определяется как «обязанность правонарушителя отвечать за свое противоправное и виновное деяние, которая реализуется посредством применения мер государственного принуждения, предусмотренного законодательством». Кто кому отвечает и как можно отвечать посредством применения (кем и к кому?) мер государственного принуждения, мы, как ни старались, понять не смогли.

Одним из порождений семантических изысканий стала также идея так называемой правовой позитивной ответственности, под которой понимается не ответственность лица, совершившего правонарушение, а, наоборот, правомерное поведение лица, не совершающего правонарушений. Это понятие появилось и получило распространение в конце 60-х годов; его сторонники ссылались на многозначность слова «ответственность» и на необходимость повышения философской оснащенности общей теории права.

В литературе по философии, социологии, этике социальная ответственность обычно рассматривается в качестве единства внутренних побуждений личности и велений долга (перед другими людьми, обществом, коллективом), форм внешнего и внутреннего контроля или соотношения способности и возможности человека предвидеть результаты своих действий, признавать их своими. Попытки применить эти понятия в правоведении породили представление о так называемой двухаспектной правовой ответственности, согласно которому кроме юридической ответственности за правонарушение и в неразрывной связи с ней существует правовая позитивная ответственность – осознание долга, обязанность совершать действия, соответствующие природе общественного строя.

Идея «двухаспектной юридической ответственности» неоднократно подвергалась критике. Указывалось, что в принципе недопустимо объединять в одном

определении сознательное отношение честного человека к исполнению своего социального долга и противоправное поведение правонарушителя. Справедливо отмечалось также, что правоведение, как и все общественные науки, не может просто использовать «в готовом виде» философские понятия и категории без учета специфики предмета своей науки. К сожалению, ряд рассуждений сторонников идеи правовой позитивной ответственности основан именно на чисто терминологическом использовании философских понятий без проверки сферы их действительной применимости: «Ответственность – одна из многих категорий, разработанных философией. В частных, в том числе и юридических, науках все категории, поскольку они имеют универсальный характер, должны сохранять свое первоначальное значение. Уголовное право может использовать их в том смысле, в каком они употребляются философами». Однако философы настойчиво предостерегают именно от механического перенесения общефилософских понятий и категорий в частные науки без учета специфики объекта и предмета разных наук.

Немалую методологическую опасность представляет также неправильное использование терминологии, имеющей в разных науках различное содержание. При исследовании проблем позитивной ответственности попытки философского и социологического подхода нередко сводились к переименованию правовых явлений, к произвольному использованию философских и иных терминов. Давно замечено, что терминологическое «переодевание» хорошо известных явлений в новые словесные одежды не может привести к какому-либо приращению научного знания. Много раз указывалось, что большая часть рассуждений сторонников правовой позитивной ответственности основана на смешении и отождествлении обязанности и ответственности. В самом деле, если сторонниками этой идеи ответственность определяется как «объективно обусловленная необходимость осознанного и добровольного соблюдения правовых предписаний всеми субъектами права», «общее требование для всех субъектов права, как руководство к действию, к правильному выполнению правовых норм», если утверждается, что «правомерные юридически значимые поступки оцениваются как ответственные», то спрашивается: почему это – ответственность, а не законность, общеобязательность права, правомерное поведение, как утверждают другие правоведы?

Наиболее уязвимым звеном идеи правовой позитивной ответственности является невозможность определить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий «обязанность», «правомерное поведение»,

«правосубъектность», «деликтоспособность», «выполнение обязательств» и др. Многолетние призывы разработать понятие правовой позитивной ответственности, раскрыв свойственное ей юридическое содержание, не пошли далее декларативных рассуждений, и, наоборот, углубленное исследование проблем социальной ответственности с позиций правоведа неизбежно приводит к выводу о том, что ее позитивный аспект «не обладает признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующегося связью с государством, с правом... Признание юридического характера позитивной ответственности не только не соответствует природе явления, но и усложняет решение многих проблем в юридической науке, ибо означает ликвидацию юридической ответственности как специфического правового явления» [\[20, стр.257\]](#).

В большой части рассуждений о правовой позитивной ответственности правовые явления теоретически объединяются с такими категориями правосознания и морали, как «осознание необходимости правомерного поведения», «добросовестное отношение к своим обязанностям», «чувство ответственности» и т.п. В связи с этим сторонники идеи правовой позитивной ответственности личности высказывали предположения о большой воспитательной роли этой идеи. Однако этот оптимистический прогноз на практике не привел к заметным результатам.

Суть дела в том, что уважение к праву является не правовой, а моральной категорией, подвластной не столько юридическим, сколько иным способам воздействия на личность и ее духовный мир.

Правовое воспитание – сложная и важная задача, требующая проведения многих мер: от распространения знаний о праве до поднятия общего уровня правовой культуры, от преодоления правового нигилизма до налаживания безотказной системы гарантий незыблемости правопорядка, от изживания скептического отношения к праву до воспитания непримиримости к нарушениям законов. В теории правовой позитивной ответственности все эти задачи решаются крайне упрощенно и схематично; по мысли многих ее сторонников, достаточно определить законом запреты и обязанности, как сразу же (теоретически) возникает всеобщее ответственное к ним отношение (правовая позитивная ответственность). К сожалению, это далеко не так. Скажем прямо: распространение идеи правовой позитивной ответственности пока что не вышло за пределы относительно узкого круга специалистов-теоретиков и практически выглядит как уговаривание одних правоведов другими правоведами относиться к запретам, обязанностям и правопорядку с уважением. В обыденном правосознании идея правовой позитивной

ответственности, насколько известно, не нашла понимания[\[5, стр. 10\]](#).

Кроме того, вызывает тревогу, что с распространением идеи правовой позитивной ответственности нередко связаны теоретические рекомендации, крайне сомнительные именно с точки зрения эффективности правовой пропаганды, воздействия юриспруденции на массовое правосознание. Взгляд на правовую позитивную ответственность как на «другой аспект», обратную сторону, зеркальное отражение традиционной ответственности за правонарушение с самого начала основывался на предположениях, что источником правовой позитивной ответственности являются санкции за правонарушения, в том числе уголовные наказания. При «двухаспектном» понимании ответственности легкость замены в термине «ответственность» одного смысла (правомерное поведение) другим (наказание за правонарушение) породила соблазн вести правовую пропаганду, угрожая санкциями. Теоретическим результатом этого явились рассуждения ряда сторонников указанной идеи о том, что все граждане несут уголовную ответственность безотносительно к тому, совершают они преступления или нет[\[4, стр.81\]](#). Предположение об уголовной ответственности граждан, не нарушающих закон, радикально противоречит ясному определению уголовного законодательства, согласно которому уголовной ответственности подлежит только лицо, виновное в совершении преступления.

Попытки определить правовое положение граждан через санкции («позитивная ответственность – другой аспект ответственности за правонарушение») связаны с явно преувеличенным представлением некоторых авторов о роли принуждения и наказания в регулировании общественных отношений: «Устанавливая уголовную ответственность за определенные виды деяний, уголовное право направляет поведение людей в русло социалистического и коммунистического строительства»[\[10, стр.14\]](#).

Понятие правовой позитивной ответственности тем или иным образом связано с предположением, что правом регулируется не только поведение, но и внутренний духовный мир человека: «Позитивная правовая ответственность предполагает такое отношение лица к обществу, государству, другим лицам, которое включает эмоционально-психологическое осмысление и рациональное осознание лицом своего гражданского долга перед обществом, государством и другими лицами, а также готовность действовать в соответствии с этой личностной установкой»[\[11, стр. 140\]](#). Очевидно, однако, что эмоционально-психологическое осмысление и рациональное осознание своего гражданского долга даже у лиц, лишенных свободы (о которых высказано приведенное суждение), никак не может быть ни

обнаружено и проверено, ни отрегулировано с помощью правовых средств. Знаменательно, что сторонники идей «правовой позитивной ответственности» никогда не ссылались на противоречащее их идеям известное суждение Маркса: «Помимо своих действий, – подчеркивал Маркс, – я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»[\[12, стр. 647\]](#).

По тем же причинам оказались неудачными попытки раскрыть традиционное понятие юридической ответственности не только через особенности правового положения лица, привлеченного к ней, но и через «состояние воли» привлеченного к ответственности, его «способности отдавать отчет в своем противоправном деянии» и другие интеллектуально-волевые, психологические качества личности[\[4, стр. 81\]](#). Эти попытки потерпели неудачу именно по той причине, что состояние воли привлеченного к ответственности, процессы, протекающие в его сознании, не являются предметом правовой оценки и регулирования. Привлечение к ответственности за правонарушение имеет целью создать необходимые для исправления и перевоспитания правонарушителя интеллектуальные и психологические процессы в его сознании, но включение этих процессов в само понятие юридической ответственности ведет к неприемлемому положению: «если нет осознания, то не должно быть ответственности»[\[12, стр. 496\]](#). И наоборот, если психологические, интеллектуально-волевые и иные процессы, протекающие в сознании правонарушителя, заложены в самом понятии юридической ответственности, то достаточно привлечь его к ответственности и применить санкцию, чтобы предполагать осознанием долг, вставшим на путь перевоспитания и исправления. К сожалению, это не так. Многие санкции и меры ответственности потому и остаются безрезультатными, что эффект их воздействия на сознание правонарушителя либо недостаточен, либо ужесточающе чрезмерен. Один из путей повышения эффективности санкций и ответственности в том и состоит, чтобы их система была максимально приспособлена к задачам выработки мотивов правомерного поведения, осознания долга, добросовестного выполнения обязанностей. Но для этого сама ответственность (в соответствии с ее правовой природой) должна рассматриваться как нечто внешнее по отношению к этим мотивам, осознанию, отношению, а не включающее интеллектуально-волевой и психологический результат в готовом виде.

Теоретическое исследование проблем юридической ответственности будет успешным и плодотворным при неременном учете объема этого понятия. Юридической ответственности нет и не может быть за пределами действующего права. Как и правовое регулирование в целом, юридическая ответственность

возможна лишь там, где объективно существует доказуемость и исполнимость правоотношений средствами юридического процесса, причем ее реализация требует специального аппарата, способного применять правовые нормы и при необходимости принуждать к их исполнению и соблюдению.

Представляется достаточно очевидным, что определение и понятие ответственности бесполезно искать в толковых словарях.

Для определения юридической ответственности за правонарушения нельзя покидать почву права, обращаясь к понятиям и категориям других социальных и философских наук. Так, попытки соединить в одном понятии правовое регулирование действий людей с психологическими процессами, протекающими в их сознании, породили антиномии и подтвердили точность афористического суждения великого писателя, что в судебных процессах «психология – палка о двух концах»[\[14, стр. 16\]](#). Стремление философски развить правоведение на основе омонимии привело к безотрадным выводам, что все мы несем уголовную ответственность – одни позитивную, другие негативную. Попытки терминологически преобразовать философское понятие свободы как познанной необходимости в юридическое понятие свободы как «сознательного подчинения закону» с неизбежностью породили софизм, согласно которому лишенный свободы преступник, добросовестно отбывающий наказание, на самом деле свободен.

Изучение юридической ответственности, в соответствии с объемом этого понятия основанное строго на почве права, не состоит в комментировании текстов нормативных актов и практики их применения. Напротив, именно в сфере абстракций, отвлекающихся от случайного и временного, конструируются понятия и категории, выражающие существенное и необходимое в изучаемой реальности. В юридической науке достаточно много дельных абстракций, отражающих действительные качества ответственности как правовой реальности. Ряд споров о понятии ответственности посвящен соотношению именно таких абстракций, т.е. понятий, основанных на изучении права (а не слов, терминологии других наук и т.п.). Причина этих споров коренится нередко в том, что смежные отраслевые юридические науки одну и ту же ответственность иногда видят по-разному. Так, если ряд теоретиков уголовного права усматривают суть уголовной ответственности в обязанности преступника отвечать и подвергнуться наказанию, то процессуалисты единодушно признают право на защиту обвиняемого коренным принципом уголовного процесса, в рамках которого осуществляется та же самая ответственность. С точки зрения общей теории права эти позиции никак не могут быть суммированы, поскольку предполагаемая материально-правовая обязанность

теоретически и практически несовместима с процессуальным правом. Такого рода коллизии для общей теории должны являться не столько предлогом для суждений о каких-либо специфических проблемах отраслевых наук, сколько стимулом для разработки теоретических моделей, снимающих выявившиеся противоречия на более высоком уровне обобщения. Иными словами – общая теория права может взять на себя роль арбитра, только совершенствуя собственный понятийно-категориальный аппарат, разрабатывая методологию и обращаясь к непосредственному исследованию действующего права и практики его применения.

Цели юридической ответственности конкретизируются в ее функциях. К функциям можно отнести: защиту правопорядка, штрафную и карательную функции (наказание виновного), а также функцию исправления и перевоспитания лица, совершившего правонарушение (частная и общая превенция правонарушений), правовосстановительную и сигнализационную функцию. Все функции взаимосвязаны и нераздельны, проявление одной из них невозможно без проявления других функций.

При этом карательная функция (возмездие) имеет своей целью наказать виновное лицо за совершенное правонарушение, воздать ему за содеянное.

Предупредительная (воспитательная) функция заключается в соответствующем воздействии на лицо, совершившее правонарушение, а также на иных лиц (всего общества в целом) с целью оказать оптимальное влияние на выбор правопослушного варианта поведения либо предупредить о невыгодности и наказуемости противоправного. С точки зрения общественных и личных интересов более важно не допустить нарушения этих интересов, предупредить правонарушение, чем потом компенсировать его вредные последствия.

Правовосстановительная(компенсационная) функция - это компенсация причиненного правонарушителем материального или морального ущерба, восстановление нарушенного права. Взыскание с правонарушителя причиненного вреда (убытков) компенсирует потери потерпевшей стороны, восстанавливая ее имущественную сферу.

Сигнализационная функция проявляется в том, что распространенность определенного вида правонарушений свидетельствует, во-первых, о явно недостаточной строгости применяемых в данном отношении мер ответственности, а во-вторых (как следствие), - о необходимости поиска иных (наряду с юридической ответственностью) путей и мер борьбы с нарушениями в данной сфере общественных отношений.

Юридическая ответственность обладает еще превентивной (профилактической) и регулятивной функцией.

Глава II. Правовое соотношение юридической ответственности и ее видов

2.1 Общая теория юридической ответственности и теории ответственности отраслевых юридических наук

Общая теория государства и права обратилась к проблемам ответственности после того, как наибольшую теоретическую разработку получили два отраслевых вида (модели) ответственности – имущественной и уголовной. Опора на выводы наук гражданского и уголовного права при выработке общего понятия юридической ответственности привела к ряду достижений. Традиционное для цивилистов внимание к правовым последствиям правонарушения в немалой степени содействовало распространению и утверждению взгляда на ответственность и принуждение как на правовые лишения, обременения, ограничения, правовой урон, что ныне признано важным и существенным для характеристики принуждения и ответственности во всех отраслях права. Учет же при разработке общей теории ответственности положений наук уголовного права и процесса содействовал уточнению представлений об основаниях ответственности и стадиях ее развития, выделению из правовых последствий правонарушения тех, в которых непосредственно выражено государственное принуждение, и ряду других достижений.

Вместе с тем в общую теорию юридической ответственности нередко включались понятия отраслевых юридических наук без проверки действительной сферы применимости этих понятий. Высказывалось представление, что основные вопросы в понимании правовой ответственности должны найти однотипное общетеоретическое решение для всех отраслей права (уголовного, гражданского, административного)[20, стр. 3591]. Очевидно, однако, что однотипность общетеоретических решений должна быть не априорно заданной, а опираться на действительно объективное основание. Известно, что функции общей теории права

не сводятся только лишь к обобщению достижений отраслевых юридических наук и к решению тех или иных задач, общих для двух и более юридических наук. «Правовые понятия, первоначально разработанные в одной из специальных юридических наук и трансформировавшиеся благодаря своей общенаучной значимости в категории теории права, распространяются и на другие правовые науки, включаются как особый вариант общей правовой категории в их понятийный аппарат»[6, стр. 96]. К сожалению, эти методологические положения не всегда соблюдаются при разработке проблем юридической ответственности. Понятия отраслевых юридических наук нередко без проверки их общезначимости включаются в общее понятие ответственности либо переносятся из одной отраслевой науки в другую. Это происходит потому, что общая теория права еще не в полной мере использует важные именно в общетеоретическом плане достижения и выводы отраслевых наук, а при исследовании ответственности недостаточно обращается к действующему праву. Ничем другим нельзя объяснить, например, почему среди многочисленных общих определений ответственности нет, пожалуй, ни одного, в котором в качестве ее конститутивного элемента были бы названы состязательность и право на защиту лица, привлеченного к ответственности. С другой стороны, трудно понять, почему проблема так называемой ответственности без вины, не имеющей применения за пределами гражданского права, иногда включается в проблематику общей теории юридической ответственности, что может создать ложное впечатление, будто «ответственность без вины» применяется в уголовном, административном и в других отраслях права.

Существенное другое затруднение. Как выше отмечено, все виды ответственности осуществляются на основе нормативных конструкций, представляющих единство норм материального и процессуального права. Признаки правонарушения и санкции за его совершение предусмотрены нормами материального права; порядок доказывания, определения того, было или не было правонарушение и кто его совершил, а также назначение конкретной меры государственного принуждения в пределах санкции нарушенной нормы строго регламентированы нормами процессуального права.

В последние десятилетия преодолевается существовавшая в общей теории права и ряде отраслевых дисциплин недооценка роли и значения процедурно-процессуальной регламентации ряда сфер осуществления государственной деятельности. Справедливо отмечается, что процессуальные нормы несут на себе, в сущности, основную нагрузку нормативного способа упрочения режима

законности[21, стр. 7]. Однако дефинитивный аппарат теории права не вполне готов выразить различные уровни понятия «процессуальные нормы и отношения». Само понятие процесса по традиции нередко связывается с деятельностью суда; поэтому необычным терминологическим новшеством оказывается определение уголовно-исполнительного права как уголовно-процессуального или, по крайней мере, лежащего с ним в одной плоскости. Известные трудности связаны также с динамичностью самого понятия «процессуальные нормы», так как многие из таких норм (устанавливающих «технологии поведения», указывающих, «как делать») в процессе правового регулирования выполняют функции материальных норм (определяющих «конструкцию» поведения, указывающих, «что делать») по отношению к процессуальным нормам следующего порядка[12, стр. 158].

Устоявшийся термин «процессуальная форма ответственности», а также отраслевая обособленность материально-правовых и процессуальных норм, регулирующих наиболее развитые виды ответственности, в какой-то мере ориентируют на их раздельное исследование. В результате сущность (содержание) ответственности нередко целиком сводится к ее материально-правовому основанию.

Выведение процессуальных норм и отношений за пределы ответственности вызывает ряд возражений.

Во-первых, сведение ответственности к реализации только материально-правовых норм оставляет вне поля зрения обширные правовые институты, содержащие гарантии достижения объективной истины по делу, права лица, обвиняемого в правонарушении, обоснованность применения мер пресечения (обеспечения), правовые способы устранения возможных ошибок при применении государственного принуждения. Во-вторых, взгляд на процесс как на что-то внешнее по отношению к ответственности оставляет вне поля зрения исследователей механизм осуществления ответственности, нормы, определяющие «технологии принуждения», от которых зависят реализация и неотвратимость юридической ответственности.

Попытки вывести понятие уголовной ответственности только из норм материального права (наподобие гражданско-правовой ответственности за причинение имущественного вреда) привели к распространению идей «уголовно-правового отношения». Представления о содержании уголовно-правового отношения, его субъектах, основании и моменте возникновения, о соотношении его с ответственностью чрезвычайно многочисленны и разнообразны[9, стр. 182].

Содержанием этого правоотношения, а тем самым и уголовной ответственности большая часть сторонников этой идеи считает обязанность преступника подвергнуться наказанию, предусмотренному нормами уголовного права[15, стр. 233].

Поскольку юридической обязанностью называется предписанная правом необходимость определенного поведения, обеспеченная соответствующими санкциями, об уголовно-правовом отношении можно было бы говорить, если существовал бы закон, обязывающий лицо, совершившее преступление, в определенный срок обратиться в правоохранительные органы для назначения ему наказания. Но даже и такой закон не создавал бы уголовно-правового отношения в том виде, как оно обычно конструируется, поскольку «подвергнуться (подвергнуть себя?) наказанию» преступник неспособен, а содержанием обязанности не могут быть действия невозможные, от воли и сознания обязанного лица не зависящие. Наказание в соответствии с совершенным преступлением назначается уличенному преступнику управомоченными государственными органами по правилам Уголовно-процессуального кодекса, содержащим ряд норм и принципов, радикально противоречащих теоретически предполагаемой «обязанности правонарушителя отвечать, дать отчет, подвергнуть себя наказанию». Эти нормы и принципы достаточно известны; многие из них закреплены в международных пактах о правах, а также действующей Конституции РФ (ст. 47-51).

Для преодоления обозначенного противоречия некоторые сторонники идей уголовного правоотношения предлагали теоретически расщепить уголовную ответственность на «материальную» и «процессуальную». В результате получилось, что содержанием материальной уголовной ответственности является обязанность преступника «отвечать, дать отчет и подвергнуться наказанию», а суть ответственности уголовно-процессуальной сводится к праву того же самого лица на защиту от обвинения (т.е. праву не отвечать, оспаривать обвинение, возражать против назначения наказания и т.п.). Несовместимость взаимоисключающих представлений о содержании уголовной ответственности не могла быть оправдана даже и бытовавшими ссылками на диалектические противоречия, существующие в правовой надстройке.

Рациональная основа идеи уголовно-правового отношения может быть выражена суждением: «преступник должен быть наказан на основе и в пределах закона». В этом, собственно, и состоит основная мысль многих сторонников этой идеи. Но это суждение не ново; оно сводится к принципам законности, обоснованности и неотвратимости наказания, известным и общепризнанным задолго до появления

идей уголовно-правового отношения. Вместе с тем ряд модификаций этой идеи обращается против ее рациональной основы.

Высказывались суждения, что уголовная ответственность «как обязанность отвечать существует фактически и в том случае, когда совершившему преступление лицу в течение длительного времени (а возможно, и вообще) удастся уклониться от следствия и суда». Это представление излагалось в учебной литературе и воспроизводилось в связи с общим понятием юридической ответственности: «То обстоятельство, что правонарушитель может быть некоторое время неизвестен, не имеет принципиального значения. В течение срока давности уголовного преследования преступник является субъектом юридической ответственности, поскольку он объективно существует. Он обязан понести наказание, и эта обязанность возникает именно с момента преступления, хотя она в течение определенного времени не реализуется». Между тем принципиальное значение имеет именно то обстоятельство, что преступник не обнаружен, не изобличен, не наказан. То, что некоторые авторы считают ответственностью (преступник объективно существует), на самом деле называется безответственностью (преступнику удалось скрыться от следствия и суда), и от того, что фактическую безответственность мы станем именовать теоретической ответственностью, не продвинется ни разработка проблем правовой науки, ни борьба с правонарушениями.

Идея уголовно-правового отношения основана на крайне ограниченных представлениях о правах лица, привлеченного к уголовной ответственности. Обвиняемый, по этой идее, вправе требовать того же. самого, что требует обвинитель, – наказания в пределах санкции нарушенной нормы. То, что выше говорилось о вредном влиянии на практику сконструированного по средневековым образцам определения «ответственность – обязанность отвечать», целиком относится к идее уголовно-правового отношения.

С другой стороны, отвлечение теоретиков уголовного права от процессуальной формы привело к тому, что в ряде концепций уголовного правоотношения недооценивается резкое изменение правового, общественного, морального положения лица, привлеченного к уголовной ответственности, т.е. официально обвиняемого в совершении преступления. В большинстве концепций уголовного правоотношения, связывающих возникновение уголовной ответственности с моментом совершения преступления, акту привлечения лица в качестве обвиняемого вообще не придается значения. Теоретическое расщепление отношений ответственности на материальные и процессуальные породило также

взгляд на меры процессуального принуждения как на что-то, не имеющее отношения к уголовной ответственности. Между тем некоторые меры пресечения (заключение под стражу) тяжелее ряда уголовных наказаний; не часто, но все же имеют место трагические ситуации, когда отбытая осужденным мера пресечения в целом оказалась тяжелее и строже назначенного ему наказания.

Иногда утверждается, что ошибочное привлечение человека к уголовной, административной или иной «процессуальной» ответственности юридически не создает никаких последствий, поскольку не было «материально-правового» отношения ответственности. Между тем ошибочное (или тем более незаконное) официальное обвинение невиновного лица в совершении правонарушения порождает право лица на официальную реабилитацию, моральную и материальную компенсацию.

Вопреки распространенному варианту идеи уголовного правоотношения мы стремимся доказать, что преступник не автоматически несет ответственность, а должен быть обнаружен и привлечен к ней; что обвиняемый не обязан, а вправе не отвечать, а защищаться от обвинения; не подвергнуться себя наказанию, а добиваться истины по делу. Когда в результате этого устанавливается, что он совершил преступление, наказание применяется законно и обоснованно, на основе права, нравственности, справедливости. Аналогично осуществляется любая штрафная ответственность, возникающая не с момента правонарушения (административного или дисциплинарного проступка), а только с момента официального обвинения лица в его совершении. До этого существует обязанность компетентных органов государства и должностных лиц раскрыть правонарушение, обнаружить и изобличить виновных в его совершении, обеспечить правильное применение закона.

Что касается особенности правового положения лица, совершившего преступление или проступок, то эту особенность можно обозначить как существующую на определенный законом срок (давность) подверженность наказанию, взысканию, государственному принуждению. Это особенное правовое состояние, которое не может быть раскрыто через понятие обязанности (ведь преступник наказывается не за невыполнение приписываемой ему обязанности понести наказание, а за то, что совершил преступление), но выделяет правонарушителя среди других граждан именно как потенциально подверженного государственному принуждению.

Можно возразить, что меры государственного принуждения, предназначенные правонарушителю, иногда по ошибке применяются к невиновному и, наоборот,

правонарушитель может быть освобожден от таких мер. Но между этими вариантами разница громадная. Если к ответственности по ошибке привлечен невиновный, то за этим должны следовать оправдание, реабилитация, моральная и материальная компенсация; правонарушитель же освобождается от ответственности лишь по нереабилитирующим основаниям, а проще говоря, может рассчитывать только на милость и снисхождение, но никак не на оправдание.

При изложенном взгляде на штрафную (уголовную, административную, дисциплинарную) ответственность ее существование, возникновение, развитие, как отмечалось, определяются актами государственных органов и должностных лиц; можно возразить, что при таком подходе уголовная (и другая штрафная) ответственность смешивается с процессуальной формой ее осуществления; однако такого смешения не произойдет, если исходить из общепризнанного взгляда на процесс как форму жизни закона, имеющего свои необходимые, присущие ему процессуальные формы[12, стр. 158]. Достаточно очевидно, что нормы уголовного права не могут применяться вне рамок уголовного процесса, равно как и последний теряет смысл, если его предметом не является применение точно обозначенных уголовно-правовых норм.

Высказывались опасения, что такой подход к теоретическому исследованию ответственности ставит ее возникновение и развитие в зависимость от деятельности и усмотрения соответствующих государственных органов и должностных лиц. а это может привести к примату субъективного над объективным со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Но действительным средством против субъективизма являются не бесчисленные литературные модификации идеи уголовного правоотношения[17, стр. 87], а законодательная регламентация деятельности правоохранительных органов, строгое соблюдение норм уголовного и процессуального права, надзор и контроль за законностью и обоснованностью процессуальных актов и действий. Ни закону, ни практике не известен никакой другой способ осуществления ответственности за преступления и проступки, а равно обеспечения законности при ее реализации.

Иначе соотносятся материальное право и процесс при осуществлении праввосстановительной ответственности. В связи со становлением гражданского общества этот вид юридической ответственности приобретает особенное значение. В настоящее время в юридической литературе обсуждаются спорные вопросы одной из разновидностей праввосстановительной ответственности – имущественной ответственности за причинение вреда либо за нарушение договора.

2.2 Соотношение имущественной и штрафной ответственности

Имущественная ответственность (гражданско-правовая, а также материальная ответственность рабочих и служащих) имеет ряд свойств, отличающих ее от любого вида штрафной, карательной ответственности. Эти свойства предопределены особенностями гражданского правонарушения. Выше отмечалось, что любая ответственность конкретна: это ответственность точно определенного лица за виновное противоправное деяние. Особенность гражданского правонарушения (причинение вреда, нарушение договорных обязательств) в том, что оно нарушает конкретное право определенного физического или юридического лица и потому в отношениях имущественной ответственности обязательно участвует потерпевший. Другая особенность в том, что причинитель вреда или нарушитель договорных обязательств юридически имеет возможность возместить причиненный вред, ущерб, убытки, уплатить предусмотренные законом или договором неустойки, пени, штрафы. Поэтому имущественная ответственность возникает в результате правонарушения (обязанность правонарушителя возместить вред, убытки, прекратить противоправное поведение) и может быть реализована без вмешательства правоохранительных органов. Такое вмешательство становится необходимым в случае спора между потерпевшим и нарушителем его права (спора о событии правонарушения, о распределении вины, о размере ущерба или вреда и т.п.) либо при отказе правонарушителя выполнить свои обязательства, составляющие содержание имущественной ответственности. Возможность добровольного выполнения этих обязательств правонарушителем обуславливает использование в структуре нормативной конструкции имущественной (и иных видов правосоставительной) ответственности дополнительных санкций (пени, проценты, штрафы, возложение судебных расходов), применяемых к причинителю вреда, медлящему с выполнением своих обязанностей.

Особенности гражданского правонарушения (деликта) дают возможность рассматривать его в ряду не противоречащих праву юридических фактов, порождающих имущественные обязательства, по юридическому содержанию близких или тождественных имущественной ответственности. Такова, как известно, «ответственность без вины», возникающая не из правонарушений. «Ответственностью без вины» в гражданском праве называют обязанность

организаций и граждан, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т.п.), возместить вред, причиненный источником повышенной опасности (если вред не возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего). Эти правила, определяющие гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный как правонарушающими, так и правомерными действиями, установлены в целях защиты прав и интересов лиц, пострадавших от транспортной, промышленной и иной деятельности, небезопасной для окружающих; кроме того, эти правила стимулируют развитие техники безопасности при эксплуатации таких предприятий.

Гражданские правонарушения отличаются от деяний, влекущих штрафную ответственность, еще и тем, что не создают рецидива. Штраф, наложенный в административном порядке или назначенный приговором суда, может быть уплачен добровольно, но у правонарушителя, подвергнутого административной или уголовной ответственности, остается в течение определенного законом срока состояние наказанности (судимость – в уголовном праве, неснятое взыскание – в административном и др.), влекущее более строгую ответственность при повторном правонарушении. Имущественная ответственность таких последствий не влечет. Наконец, на правосстановительную ответственность не распространяется принцип штрафной ответственности, означающий, что применение и реализация одной санкции исчерпывающе решает вопрос о правонарушении. В процессе осуществления имущественной ответственности может применяться несколько санкций до полного восстановления нарушенных прав (взыскание убытков + проценты за неуплату соответствующих сумм + принудительное исполнение невыполненных обязанностей).

Все это, вместе взятое, породило неясности и сомнения в теоретическом исследовании гражданских правонарушений и имущественной ответственности.

Между тем эти проблемы в нашей стране приобретают особенное значение в связи с развитием частного права, товарно-денежных отношений, перспективой становления гражданского общества и правового государства. В прежнем обществе, где все было огосударствлено, главное значение придавалось штрафной, карательной ответственности. Часть теоретиков вообще утверждала, что ответственность состоит только лишь в применении штрафных, карательных санкций [18, стр. 496]. В чем-то здесь сказалось и обыденное правосознание, сводящее право в целом к уголовному праву, и недооценка роли санкций,

направленных на реальное восстановление нарушенных прав. Поскольку все, даже сфера обслуживания, было огосударствлено, нередкими являлись ситуации, когда гражданин, чьи права были нарушены противоправными действиями работников государственных организаций и предприятий, получал не возмещение вреда и убытков, а сообщение о том, что на виновных наложены дисциплинарные взыскания. Еще хуже дело обстояло с ответственностью хозорганов, когда взыскание санкций за нарушение поставок и договоров хотя и считалось юридически обязательным, но производилось в пределах 10–15%, а на полученные суммы штрафов и неустоек вообще невозможно было приобрести продукцию взамен недопоставленной или некачественной.

В условиях рыночной экономики причинитель имущественного вреда или нарушитель договорного обязательства имеет юридическую возможность немедленно возместить причиненный вред, уплатить предусмотренные договором неустойки, пеню, штрафы, суммы ущерба, упущенной выгоды. Спрашивается: сохраняет ли гражданское правонарушение свой противоправный характер в случае, если потерпевший получил полное возмещение или «отступное»? Если в начале века этот вопрос решался без колебаний[20, стр. 258], то распространение в последние десятилетия так называемого страхования ответственности практически свело к нулю превентивные, репрессивные, воспитательные функции имущественной ответственности[5, стр. 5].

В современных условиях резко возрастает теоретическое и практическое значение концепции С.Н. Братуся, который определял ответственность как состояние принуждения к исполнению обязанности[4, стр. 85]. Эта концепция оспаривалась с разных позиций. Утверждалось, в частности, что если принуждение осуществимо там, где содержанием обязательства является передача товаров, вещей, предметов, то принудить к выполнению, скажем, договора строительства или договора подряда практически невозможно. Утверждалось и то, что возмещение правонарушителем вреда или уплата неустойки под угрозой принуждения (но еще не под принуждением) – такая же по существу имущественная (т.е. правовосстановительная) ответственность, как и принудительное взыскание соответствующих сумм. Наиболее спорным остался вопрос: является ли правонарушением причинение имущественного вреда, если причинитель тут же, добровольно, в полном объеме возместил причиненный вред? Хотя С.Н. Братусь и писал, что государственное принуждение в случае деликтной ответственности опирается, так сказать, на «двойное правонарушение» (причинение вреда и отказ от его возмещения), само причинение вреда лишь названо правонарушением, но по

существованию вряд ли может считаться таковым, поскольку государственное принуждение направлено лишь на выполнение обязанности возмещать уже причиненный вред, а не воздерживаться от его причинения. Получается так, что имущественная ответственность устанавливается не нормами ГК, определяющими основания обязанностей возместить вред, ущерб, уплатить пеню, неустойку, а нормами ГПК, регулирующими принудительное исполнение названных (деликтных) и обычных гражданско-правовых обязанностей.

Концепция С.Н. Братуся существенно важна и для теоретической разработки проблем ответственности, и для совершенствования практики ее осуществления (см. далее). Однако здесь нужно отметить следующее. Причинение имущественного вреда и другие деликты относятся к правонарушениям, а применение санкций за их совершение (возложение обязанностей возместить вред, восстановить нарушенный правопорядок и др.) является видом правовосстановительной ответственности.

Во-первых, гражданско-правовые деликты нарушают права и свободы других лиц и потому в общем виде запрещены законом (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). С нарушением прав всегда сопряжено нарушение социальных ожиданий потерпевшего, его нормальной деятельности; при самом щедром и скором возмещении потерпевшему имущественного вреда, понесенных убытков, уплаты ему неустоек, пеней, отступного, в деятельности лица, чьи права нарушены (а потом восстановлены), происходит срыв, непредвиденный перебой, нарушающий стабильность нормальной работы. То обстоятельство, что отдельные лица, потерпевшие от деликтов, могут даже и обогатиться за счет полученных неустоек и возмещений, не противоречит тому, что основная масса потерпевших от гражданско-правовых деликтов не получает полного возмещения (правонарушитель может скрыться, оказаться несостоятельным и т.п.), что нередко причиняет урон и третьим лицам, связанным с ними договорными и иными обязательствами. Полное и своевременное возмещение правонарушителем причиненного вреда, восстановление нарушенных прав – это не правило, а редчайшее исключение. Гражданско-правовые деликты нарушают не только частные права, но и правопорядок как основу стабильной общественной жизни.

Во-вторых, деликты, формально запрещенные действующим законодательством, обозначены как особенные юридические факты, порождающие правовые последствия в виде гражданско-правовых санкций, режим реализации которых значительно строже порядка осуществления обычных гражданско-правовых обязательств.

В-третьих, применение правосстановительных санкций в случае спора облечено в процессуальные формы, во многом аналогичные тем, которые свойственны штрафной, карательной ответственности. Институты гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального права содержат гарантии достижения истины по делу, правомерности применения санкций, права лица, обвиняемого (упрекаемого) в правонарушении, дающие ему возможность защищать свои охраняемые законом интересы, вплоть до права добиваться компенсации в случае ошибочного или незаконного привлечения к ответственности. Попытки отдельных авторов трактовать правосстановительные санкции как меры защиты, осуществляемые вне процессуальных форм ответственности, не соответствуют традициям, современному состоянию и перспективам развития законодательства.

Если большинство цивилистов признает санкциями и ответственностью взыскание (точнее, присуждение) причиненного вреда, убытков, неустоек и другие неблагоприятные (для правонарушителя) последствия гражданского правонарушения, то прямое принуждение, применяемое для изъятия соответствующих сумм (или предметов) у правонарушителя, иногда не считается ответственностью, поскольку оно, как утверждается, ничего не меняет в правовом положении правонарушителя. Такой взгляд основан на недостаточном понимании соотношения материальных и процессуальных норм: с одной стороны, недооценивается необходимость и возможность реального исполнения обязанностей, предусмотренных материально-правовыми нормами, с помощью процессуальных средств (принудительное исполнение); с другой стороны, принудительное исполнение рассматривают только с позиций гражданских прав и обязанностей, не замечая, что оно (принудительное исполнение) затрагивает порой более важные права и обязанности принуждаемого должника (например, неприкосновенность жилища, право распоряжаться имуществом и др.). Непонимание проблем органической связи норм материального и процессуального права привело отдельных авторов к выводу, что взгляд на принудительное исполнение обязанности как на ответственность объективно оправдывает фактическую безответственность [10, стр. 14]. Между тем достаточно известно, что сейчас именно ненадежность аппарата принудительного исполнения позволяет многим недобросовестным должникам уходить от ответственности. По сообщению министра юстиции реально исполняется лишь 32% судебных решений. Из них по материальным искам в 1996–1997 годах судебными исполнителями изъято 42% общей суммы, подлежащей взысканию по исполнительными документам. Исполнение остальных 2/3 откладывается по различным причинам [14, стр. 7].

Существенным вкладом в решение этой теоретически спорной проблемы является концепция С.Н. Братуся, определявшего ответственность именно как «состояние принуждения» к исполнению невыполненных обязанностей. При таком подходе на первый план выходит «технология принуждения», определяемая именно процессуальной формой. Законность и неотвратимость ответственности обеспечивается прежде всего тем, писал С.Н. Братусь, «чтобы бесперебойно и ответственно работал государственный аппарат, в частности юрисдикционные органы, в случаях нарушения норм права, деятельность которых также определяется нормами права... Очевидно, важным средством обеспечения надлежащей работы этих органов должна быть ответственность соответствующих должностных лиц за допущенное ими бездействие или иное нарушение законности»[4, стр. 80-81].

На совершенствование правосстановительной ответственности направлены Федеральные законы «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах». Совершенствование государственной системы исполнительного производства, требующее принятия ряда дополнительных организационных и законодательных мер[14, стр. 5], призвано создать в конечном счете систему объективизированного (процессуально оформленного) государственного принуждения, представляющего собой динамичный процесс, который не исчерпывается, а лишь завершается физическим или, точнее, фактическим (прямым, непосредственным) принуждением. Именно неизбежностью развертывания этой нормативно определенной процедуры принуждения осуществляется давление на правонарушителя, понуждение его к выполнению специальных обязанностей, порождаемых деликтом, органическое соединение «обязательности» и «принудительности» в нормативно-правовой модели имущественной ответственности.

Заключение

На основании вышеизложенного можно подвести следующие итоги проделанной курсовой работы. Несмотря на то, что в юридической литературе такое разнообразие взглядов на определение понятия «юридическая ответственность», все исследователи едины в одном.

Юридическая ответственность – это возможность наступления неблагоприятных последствий личного, имущественного и специального характера и сами

последствия, которые возлагаются государством в установленной процессуальной форме на нарушителя права.

Юридическая ответственность всегда сопряжена с государственным осуждением виновных противоправных деяний, которые для государства опасны и вредны и с которыми ведется борьба через применение принудительных мер.

Признаками юридической ответственности являются: ее наступление за совершение правонарушения, установление юридической ответственности государством в нормах права, заключается в неблагоприятных последствиях для личности правонарушителя и его имущества, возлагается строго определенными государственными органами и должностными лицами в ходе правоприменительной деятельности, осуществляется в процессуальных формах, обеспечена принудительной силой государства.

Общая цель юридической ответственности – защитить права и свободы человека, обеспечить общественный порядок. В ходе исследования также были рассмотрены функции юридической ответственности, к ним относятся: карательная, предупредительная (воспитательная), правовосстановительная (компенсационная), сигнализационная, превентивная (профилактическая) и регулятивная функция.

Принципами юридической ответственности являются неотвратимость, законность, справедливость, гуманизм, ответственность только за вину, обоснованность, целесообразность, индивидуализация наказания. Говоря о принципах юридической ответственности, стоит упомянуть о видах юридической ответственности. Уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная, административная, материальная. Различают также конституционную и федеративную ответственность.

Уголовная ответственность применяется за совершение преступлений, т.е. общественно опасных деяний, запрещенных нормами уголовного права, основным источником которых является Уголовный Кодекс Российской Федерации. Поэтому уголовная ответственность — наиболее суровый вид юридической ответственности. По закону преступление влечет за собой уголовное наказание в виде штрафа, исправительных работ, лишения свободы и даже исключительную меру наказания — смертную казнь.

Особенность гражданско-правовой ответственности: состоит в том, что носит имущественный характер, то есть нарушитель отвечает своим имуществом, а не

личностью, ответственность нарушителя перед потерпевшим – санкции, налагаемые на нарушения, как правило, взыскиваются в пользу потерпевшего, основная цель гражданско-правовой ответственности: - восстановление имущественной сферы потерпевшей стороны. Данный вид ответственности обычно выражается в восстановлении нарушенного права, предоставлении компенсации (чаще всего денежной).

Дисциплинарная ответственность — вид юридической ответственности, заключающийся в наложении дисциплинарного взыскания администрацией предприятия на работника, нарушившего трудовую дисциплину. Также дисциплинарная ответственность может быть особенной – она устанавливается специальным законодательством для некоторых категорий работников – госслужащие, судьи, прокуроры.

Административная ответственность — вид юридической ответственности граждан, должностных и юридических лиц за совершенное ими административное правонарушение.

Материальная ответственность — вид юридической ответственности, заключающийся в обязанности работника возместить ущерб, причиненный предприятию.

На основании вышесказанного можно сделать вывод что, под юридической ответственностью понимается применение к виновному лицу, допустившему противоправное деяние, применение мер государственного принуждения, выражающихся в нанесении правонарушителю лишения личного (уголовная ответственность), имущественного (конфискация имущества) или организационного (отрешение от должности) характера.

Таким образом, хотя в законодательстве термин «ответственность» и употребляется в разных аспектах, тем не менее, юридической ответственностью в специальном, правовом смысле можно считать только ответственность за совершенные противоправные деяния.

Список использованных источников

Нормативно-правовые акты

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). М.: Эксмо, 2013. - 32 с.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (текст с изм. и доп. на 15.02.2015). М.: Эксмо, 2015. - 224 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016)/ Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Литература и периодические издания

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая лит., 2006. - 216 с.
2. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). Перевод с польского/Пер.: Залесский В.В.; Под ред. и со вступ. ст.: Братусь С.Н. Монография. М.: Прогресс, 1978. - 328 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая лит., 2006.- 264 с.
4. Ветрова Г.Н Санкции в судебном праве. М., Наука, 2009.-160 с.
5. Крашенинников П.В. Времена и право. - М.: Статут, 2016. – 256 с.
6. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). Монография. М.: МГУ, 1981. — 240 с.
7. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 2008.- 207 с.
8. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юридическая лит., 2005. - 182 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1-39.Издание второе. Т. 1. М.: Изд. политической литературы,1955-1974.
10. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юридическая лит., 2004. - 647 с.
11. Новоселова Л.А. Взыскание денежных средств по решению суда // Законодательство.М., 1998, № 4. - С. 7-15
12. Общая теория права: Учебник для юридических вузов; Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин , В.В. Лазарев и др.. Под общ. ред. А.С. Пиголкина. - 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2008.- 384 с.
13. Основы права : учебник для неюридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 480 с.
14. Тарбагаев А.Н. Понятие уголовной ответственности как последствия совершения преступления // Вестник Ленинградского университета.

- Экономика, философия, право. 1983. Вып. 1. - С. 87.
15. Теория государства и права/ Под ред. проф. С. С. Алексеева. Авторский коллектив: Алексеев С.С., Архипов С.И., Корельский В.М., Леушин В.И. и др. Москва: Норма, 2005, - 496 с.
 16. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. М.: Маркет ДС, 2007. — 640 с.
 17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие (по изданию 1910-1912 гг.). Т 2. М.: 1995, - 539 с.
 18. Юридическая процессуальная форма: Теория и практика. Под ред.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. М.: Юридическая лит.,2011, -279с.